

Надо ли делать некие выводы из прочитанного и просмотренного? Читатель и зритель решает сам. Тургенев же, интеллектуал, тонкий эстет, поэт, просто предлагает нам посмотреть красивую и откровенную историю о том, как любовь одерживает победу и над исключительными натурами.

Страсти людей, у которых «все горело светло. Только этого мало», у которых «к

предательству таинственная страсть» туманит их очи, имеют единственный источник — это любовь.

«У меня только одно извинение, Алексей Николаич... — говорит Наталья Петровна. — Все это было не в моей власти».

Инга РАДОВА

Что такое «Муму»?

Безмолвие — это когда не хочется говорить? Когда нечего сказать? А, может, когда слова попросту не нужны?

Премьера **Орловского государственного академического театра имени И.С. Тургенева «Безмолвие»** по повести «Муму» стала особой в череде юбилейных поводов и событий. Ее, какую-то простую, близкую сердцу, искреннюю, добрую, ни на какие лавры оригинальности и медные трубы славы не претендующую, можно смело назвать одним из лучших спектаклей по произведениям Тургенева, которые сегодня идут на сценах орловских театров.

На пронзительно-светлой волне премьеры громких слов и красивых эпитетов абсолютного не хочется. Очевидно, это тот самый случай, когда мудрое молчание — золото, а постановка сама обязательно найдет кратчайший путь в кладовые сердца и чертоги разума. Поэтому — лишь штрихами, не озвучивая всех секретов и открытий режиссера, исполнителя главной роли **Антон Карташева**.

БЕЗГЛАГОЛЬНОСТЬ

Спектакль создан при поддержке Минкульта РФ и СТД России. Об этом упоминаю без восторженно благоговейного трепета, а исключительно из благодарности за то, что содействие находят не только скандальные проекты, но и нечто такое «о душе».

Со школьной скамьи знающим печально-несправедливую историю глухонемого дворника нетрудно угадать понятные ограничения речевой характеристики героя. Предположение верно лишь отчасти.

Спектакль густо населен звуками, словами, музыкой, насыщен красками, отблесками, символами. Его концентрированность, многообразие, естественность поражают своей органичностью, цельностью. Но «отзываются» здесь действительно не слова, а чувства, которые переживают герои, с которыми они борются, перед которыми отступают.

Эмоциональный размах действия натягивает плоскость малой сцены театра, как тугую тетиву лука. Герои с одинаковой легкостью передвигают массивные платформы, крупными штрихами вырисовывающие образы сценографии.

В уверенном жонглировании немногочисленными вещами сценического быта очень страшно отражается собственническая суть крепостного права — распоряжаться человеческими душами.

Причем, чем ближе человек к власти, будь то дворецкий **Гаврила (Андрей Царьков)** или Ключница (**Снежана Малых**), тем явственнее в его образе прослеживается железная скованность абсолютного бесправия. Крестьяне одеты в просторные льняные рубахи, делающие женщин отчасти похожими на лесных духов да русалок, а мужчин — на сказочных умников да дурачков.

Приближенные к власти и отравленные ею отмечены своеобразными кандалами как привычными штрихами скованности (художник по костюмам **Екатерина Камышалева**).

В спектакле представлен конфликт персонажей с миром, укладом, жизнью — острый, неразрешимый.

Герасим — А. Карташев,
Татьяна — О. Форопонова

Но этого конфликта меж тем как бы и нет. Настолько привычным кажется все печальное, трагичное, несправедливое. Чувство единения, родства всего и всех, общих истоков добра и зла рождает фольклорная составляющая — нечто призрачно пугающее о домовых, леших, живущих в душах милыми сказками, небылицами, страстями и страхами, исконной красотой, счастливо растворившейся в мире.

ВИДЕНИЕ

Большой экран, в котором и переплетение ветвей чащобы, и осколки зеркал, и прутья клетки, и роковая незакрепленность, и бесильная статичность, уступает место героям, в душах которых... да почти то же самое.

Отсюда страшное ощущение надвигающейся, бодро марширующей беды, демоническая одержимость неизбежностью рока, танец-судорога...

Как от кошмарного сна пробуждается дворник Герасим. Зверь, идол, леший, он удивительно гармонирует с огромной мет-

лой-палицей, с потрепанной котомкой, даже с трогательным талисманом-оберегом — маленькой собачкой — бережно укрытым за пазухой. Вот только с шумом города, со скоморошным гуляньем дворовых людей, с жестокой и несчастной Барыней (**Елена Полянская**), пересудами, хитростями Герасиму никак не свыкнуться.

Словно все мировые театры представлены на одной сцене: итальянские маски, французские мимы, площадной Петрушка, женщина-вамп. Мир режиссера живет бурно, насыщенно, страстно. И нет в нем места простой радости «мести-грести». Всюду искушения, обман, чудачество, какофония.

Герасима мучают жуткие головные боли. Не потому, что он не в силах понять или услышать. От того, что никогда не сможет принять. Разве такому испытанию сравниться с жестокими забавами дворни.

«Распоряжающийся» герой Царькова, беря слово в общем многозвучье, смело, жестко, с иронией описывает суть происходящего. Другие голоса, которым попеременно

Барыня — Е. Полянская,
Гаврила — А. Царьков

выпадает возможность солировать, делают это с не меньшим удовольствием, коварством, сдобренным радостью сплетен.

Капитан (**Дмитрий Бундиряков**), башмачник без сапог, говорит о себе, как о существе обиженном, не оцененном.

За себя говорит, пожалуй, одна Барыня. Да и то — весьма условно. Ведь от каждого слова может разрушиться чужая судьба. Все зависит от расположения духа, благостность которого привычно сменяется жуткой истерикой. «День ее, нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер ее был чернее ночи». Героиня Полянской выведена на контрасте тьмы и крови, закована в железные обручи. Правда, дышать тяжело не ей, а всем окружающим. Таков парадокс огрубевшей души — заглушать свою боль страданиями других. А боли много: «Дети вновь не придут...»

Многие произведения Тургенева автобиографичны в той или иной степени, в образе барыни отражены реальные черты Варвары Лутовиновой, властной, деспотич-

ной, самолично поровшей дворню. А еще — просто несчастной матери, желавшей быть оцененным покровителем, «другом» своими детям, да не способной этого показать.

Иван Сергеевич так и не ответил на призыв практически со смертного ложа, приехать попрощаться. И это жестоко... Говорят, без тела нельзя существовать, а без души?

Чего хочет барыня? Она страстно желает любить и сама желает быть любимой.

В таких просвечивающих деталях спектакля, значимых «мелочах» — какое-то полное проникновение известным и неизвестным Тургеневым. Словно Иван Сергеевич сам волил рукой Антона Карташева, когда тот с трепетом и глубоким уважением писал сценическую версию повести.

Вдруг, откуда ни возьмись, берется боль, красок которой нет в оригинальном произведении, исповедальные мотивы втора судьбы, знакомые тургеневские заветы. А еще — большая смелость жить, который и сам Тургенев мог бы позавидовать...

Татьяна — О. Форопонова, Герасим — А. Карташев

КРОХОТНОЕ СЧАСТЬЕ

Неуклюже «толкаясь», робко переглядываясь, Герасим и Татьяна (**Ольга Форопонова**) сближаются друг с другом — словно два сердца начинают биться в ритм. Это тихий, уверенный переход к полному, всеобъемлющему, недолгому счастью.

Антон Карташев, по собственному признанию, боялся, что «без слов» не сможет выразить переживаний героя, которые поднимаются горячим ключом со дна души. Но лучше красивых фраз этот полет неудержимого великана по сцене, его кружение в облаках без отрыва от земли. Грозда радуется каждой клеточкой тела, неистово мощно. И вдруг смиренно затихает, с детской наивностью передавая возлюбленной оберег, свою душу...

Но, боже, как же он прекрасно страшен в гневе. Будто весь мир стал хрупким и шатким, будто содрогается стихия, встретившись с человеческим горем... Герасим едва сдерживает себя от разрушения в танце с «обманушкой» возлюбленной.

Татьяна тоже нема. Но причина тому — недуг не физический — общественный. Крепостное право лишило ее слов, воли, выбо-

ра, даже самой возможности проявления радостных и горьких чувств.

Весть о предстоящем замужестве для нее — как для березки удар топора. Пораженная в самое сердце, вынужденная на обманное предательство, она лишь склоняется все ниже, из последних сил произнося обреченное и горькое: «Слушаюсь».

И зашумела веселая свадьба с петлей на шее.

Удивительно, что густонаселенное пространство спектакля не дает сосредоточиться исключительно на одном настроении, каким бы барельефным оно не было.

Сильные эмоциональные волны легко и непринужденно разбиваются о скалы бытовой простоты, скрашенной житейской хитростью.

Пряный эротизм танца девушек со смелыми восточными мотивами неожиданно переходит в сцену стирки белья. Обед — в поединке ложечников, смело оттачивающих четку своих взглядов. Объяснения — в драку.

До чего хороши дворовые девки Катерина (**Екатерина Гусарова**) и Муруся (**Марина Еремеева**): румяные, веселые, озорные. В их душах тоже живет и первобыт-

«Безмолвие»

ный страх, и первобогатная любовь, сродни инстинкту. Каждая мизансцена-дуэт — как маленькая зарисовка на крышке шкатулки, как песня-прибаутка, как белизна девичьего плеча, соблазняющего и манящего. Позавидуешь дворовым безобразникам Антипке (**Антон Бачурин**) да Степану (**Александр Аксиненко**) — отчаянным воякам и мудрым трусам ко времени.

КУМИТЕСЯ, ЛЮБИТЕСЯ

Главный вопрос — что такое «Муму» в спектакле? Прежде всего, это емкое выражение невыразимой любви, нежности, радость, даруемая незримым ангелом-хранителем, оберег и талисман.

А еще — один из главных сюрпризов постановки, и, конечно, просто милая наивная «очень ладная собачка испанской породы».

В сценах, в которых Муму прикасается к душе Герасима так привычно-прекрасно, словно просто лижет хозяина нос, восторг, трогизм и печаль потери сливаются с самой судьбой. Невозможно смотреть без слез...

Не всплеском воды, не воплем «уничтоженной», потерянной и полусумасшед-

шей барыни заканчивается спектакль, не странным туманным сном, а праздником молодых ростков жизни, для которых безмолвие — уверенность в том, что впереди свет. Все остальное — суеверия.

Во многих вещах важно «быть как дети»: чистыми, искренними, наивными. Как подтверждение — появление самого юного актера — **Матвея Каргашева**, герой которого умеет любить «очень сильно».

Сценический «сон о крохотном счастье» — спектакль «семейный» не только по желаемому составу зрителей. Особая сокровенность сближения главных героев в том, что все они действительно любят друг друга. Ольга Форопонова и Антон Каргашев — супруги. Матвей — их сын. Взаимная поддержка актеров, которая пронизывает атмосферу действия, абсолютное доверие дарит дополнительное очарование.

За все хорошее, сказанное и несказанное в постановке, хочется пожелать «Безмолвию», как доброму другу, долгой сценической жизни и счастливой фестивальной судьбы.

Ольга СУДАРИКОВА